

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVI
DOI: 10.35549/HR.2021.2021.36.002

Н.С. Сидоренко, С.В. Мусатов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРЕССЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ УРАЛА

числу фундаментальных научных проблем относится деятельность представительных законодательных органов: выполняет ли парламент свою роль не только в выработке нормативных актов, определяющих основные направления развития страны, но также обеспечивает ли возможность

обсуждения наиболее острых для государства и общества проблем и поиска консолидированного решения по ним с учетом интересов граждан?

Стабильность и развитие общества в значительной степени связано с укреплением и повышением роли институтов демократии, роли представительных учреждений в центре и в регионах, призванных создавать правовую основу совместного и эффективного решения задач в интересах граждан. Чем выше степень доверия общества к ним, тем более заметна их практическая, стабилизирующая роль в поступательном развитии общества.

Повышение доверия населения к парламенту и парламентариям — необходимое условие поддержания и развития диалога между государством и обществом в политической сфере. Существенная роль в этом принадлежит средствам массовой информации, призванным освещать работу парламента. Выполнение средствами массовой информации роли своеобразного «коллективного взгляда» на освещаемые события содер-

жит в потенциале действенный инструмент формирования общественного мнения, связанного с конструируемым ими образом данного политического института.

В условиях развития информационного общества, роста значения информационно-коммуникационных связей в регулировании общественных отношений представления о детерминантах формирования правосознания населения должны учитывать и состояние современного общества, и особенности его историко-культурного развития, в том числе и в сфере электорального поведения. Такие представления могут быть адекватны сложившейся картине взаимодействия государства и общества только с учетом специфики развития регионов и особенностей формирования регионального общества на разных этапах истории Российского государства.

Историческая практика парламентаризма в России свидетельствует о том, что именно с его деятельностью в значительной степени связывалось представление общественного мнения об укорененности демократических процессов в стране, степени их развитости. Об этом, в частности, свидетельствует анализ региональной прессы, освещающей работу российского парламента в начале XX в., в период создания, конструирования и функционирования политического пространства российского общества — в ходе выборной кампании и в деятельности Государственной думы Российской империи первого и второго созывов. Факт созыва и начала работы парламента в условиях первой русской революции 1905–1907 гг. обусловил особо острую политическую борьбу по различным аспектам его деятельности — концептуальным, формально-правовым, практически ориентированным.

Пресса того времени оперативно и остро отреагировала на изменения в политической системе общества, с которыми она не без оснований связывала открытие качественно новых народно-властных отношений, в связи с чем стремилась занять в данной системе роль информатора, посредника между обществом и государством, не исключая возможности оказывать и собственное воздействие на действительность. Возможность реализации роли «генерализованного» в социум актора была определена соответствующей политикой со стороны власти. 24 ноября 1905 г. были приняты Временные правила о повременных изданиях, которые отменили предварительную цензуру для изданий, выходивших в городах, денежные залоги, административные взыскания и 140-ю статью цензурного устава. Министр внутренних дел больше не имел права давать предостережения и приостанавливать периодические издания за «вредное направление», запрещать розничную продажу, публикацию рекламы

и объявлений и изымать на неопределенный срок из обсуждения в печати вопросы, признанные правительством «неудобными». Кроме того, «временные правила» ввели явочный порядок открытия периодических изданий, когда каждый дееспособный гражданин, достигший совершеннолетия, мог заявить по месту жительства о намерении выпускать газету или журнал и в течение двух недель получал разрешение.

Введение явочного порядка открытия новых изданий вызвало бурный поток новой периодики, особенно политической. В 1905–1907 гг. издавалось 3310 газет и журналов. На долю провинции приходилось более 50% всех газет и журналов — 1772. Из общего числа газет и журналов более 40% (1467 органов) были общественно-политическими. Взрывной характер роста российской политической печати иллюстрирует тот факт, что до 1905 г. выходило (и продолжало выходить) 324 издания подобного типа.

Наиболее интенсивный рост общественно-политических изданий приходится на время работы первого российского парламента. Из числа вновь открытых в 1905 г. было 128 (118 газет и 10 журналов), в 1906 г. — 684 (608 газет и 76 журналов), в 1907 г. — 331 (303 газеты и 28 журналов)¹.

Значительное место в системе печатной периодики 1905–1907 гг. принадлежало партийной прессе. Именно на страницах партийной прессы нашли отражение наиболее широкие и острые дискуссии по ходу выборов и по вопросам работы Государственной думы первого и второго созывов, роли различных политических фракций в ней.

Изучение роли прессы в освещении практики деятельности Думы началось уже в дореволюционный период. Хотя пресса как источник изучения думской истории и не выступала предметом специального исследования, но авторы, анализируя те или иные стороны деятельности Думы, ход выборных кампаний, широко апеллировали к различным печатным органам².

Многими видными политическими и общественными деятелями страны осознавалось значение печати в политическом процессе, в воздействии на сознание читателя. Так, А.В. Пешехонов, русский экономист, журналист, политический деятель, на рубеже XX в. отмечал: «С каждым годом газета становится все более видной частью нашей литературы, все

¹ См.: Ахмадулин Е.В., Овсепян Р.П. История российской журналистики начала XX века. Ростов н/Д., 2008. С. 58–59.

² Милоков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. СПб., 1907; Кизеветтер А.А. «Русские ведомости» и I Государственная дума // Русские ведомости. 1863–1913. Сб. ст. М., 1913. С. 96–103; Снегсарев Н. Мираж «Нового времени»: почти роман. СПб., 1914; и др.

более важным фактором нашей общественной жизни. Вместе с тем нарастает и потребность в объективном изучении, как исторического развития нашего газетного дела, так и современного его состояния»³. Проявлением возросшего внимания к изучению проблемы можно считать то внимание, которое было уделено анализу журналистики в рассматриваемый период со стороны ряда прогрессивных журналистов и общественных деятелей. Так, автор «Летописи русской печати» В. Розенберг, приводя статистические данные о росте численности газетно-журнальной периодики в 1905–1907 гг., обращал внимание на недолговечность многих изданий. По его подсчетам, на первом году жизни закрывалась половина вновь созданных газет и журналов. Например, после Манифеста 17 октября 1905 г. в Петербурге появилось 106 газет и более 300 журналов, 76 газет и 89 журналов исчезли, не прожив и года. В 1907 г. из 190 новых столичных журналов на первом году прекратили свое существование 102, из 72 газет закрылись 62 печатных органа⁴.

Было обращено внимание на существенный сдвиг в самом корпусе газетно-журнальной периодики. Редакция журнала «Русское богатство» в 1906 г. высказала мнение о том, что «русская печать стала носить характер, напоминающий политическую прессу Западной Европы и Америки»⁵.

Значительное внимание к газетной периодике и аспекту воздействия ее на общественное сознание в связи с фактом создания российского парламента уделили лидеры основных политических партий России начала XX в.

В социалистической литературе, в статьях лидера российской социал-демократии В.И. Ленина значительное внимание уделено роли прессы в освещении вопросов выборов в Думу⁶, формированию общественного мнения в связи с ее созывом и началом деятельности⁷. Лениным отмечен факт опережающего роста печатных изданий оппозиционной направленности: «В теперешних газетах кадетской партии (а к этой партии, повторяем, фактически примкнули почти все либеральные органы, в том числе “Русь”, “Наша жизнь” и т.п.)»⁸. Данная ситуация оценивалась партийным

³ Пешехонов А.В. Русская политическая газета. Статистический очерк // Русское богатство. 1901. № 3. [Электронный ресурс]: https://lawbooks.news/istoriya-jurnalistiki_852/peshonov-russkaya-politicheskaya.html (Дата обращения: 20.01.2021)

⁴ Розенберг В. Летописи русской печати. М., 1914. С. 76–82.

⁵ Пешехонов А.В. Указ. соч.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1968. С. 209–220.

⁷ Там же. Т. 4. М., 1967. С. 187–198; Т. 12. С. 99–105; и др.

⁸ Там же. Т. 12. С. 297.

лидером как «систематический поход всей буржуазной прессы, всех буржуазных идеологов, стремящихся взять на буксир пролетариат», — с одной стороны, с другой — стремление «закрепить это превращение рабочего класса в придаток партии кадетов» в рамках всероссийского представительного учреждения. Одной из основных линий анализа кадетской прессы, сосредоточившей внимание на определении партийной платформы в будущей Думе, выступала выработка Лениным тактики революционной социал-демократии, борьба против «парламентских иллюзий». Предметом анализа Ленина являлись в том числе публикации на думскую тематику в прессе. В публикациях Ленина подвергались критическому анализу статьи не только политических противников, но и представителей социал-демократии, не разделявших тактику бойкота I Думы и в целом думской тактики большевиков. Так, им подробнейшим образом проанализировано содержание статьи Р. Бланка «К зловлам дня русской социал-демократии», опубликованной в газете «Наша жизнь» в марте 1906 г., в которой автор не соглашается с тактикой бойкота. Критикуя его позицию, Ленин отмечал, что он не одинок в своих представлениях: «Мелкобуржуазные иллюзии и вера в Думу довольно сильны еще в народе. Они должны быть изжиты. Чем полнее будет торжество кадетов в Думе, тем скорее они будут изжиты. Приветствуем успехи жирондистов великой российской революции! За ними поднимется более широкая народная масса, выдвинутся более энергичные и революционные слои, — они сплотятся вокруг пролетариата, — они доведут до полной победы нашу великую буржуазную революцию, — они откроют эпоху социалистического переворота на Западе»⁹.

Полемизируя по вопросу об отношении к думской тактике, выраженной в публикациях Г.В. Плеханова в издаваемом им органе «Дневник», Ленин подчеркивал, что «вопрос о думской тактике есть лишь часть вопроса об общей тактике, подчиненного, в свою очередь, вопросу об оценке всего современного революционного момента»¹⁰.

Лидер партии кадетов П.Н. Миллюков не только активно использовал печать в целях проведения основной тактической линии партии к упрочению конституционного строя на широкой демократической основе, не только «добросовестно анализировал шахматные ходы думской политики...»¹¹. Им также предпринят глубокий анализ роли печати в деле партийной пропаганды. Миллюков утверждал, что «пресса есть тончай-

⁹ Там же. С. 352.

¹⁰ Там же. С. 175–182.

¹¹ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 405.

шая, наиболее совершенная из существующих форм общественно-психологического взаимодействия». Одним из главных ее свойств выступает свобода. В этой связи он осуждал как ограничение свободы слова со стороны властных структур, так и перенесение принципа партийности на публицистику¹².

О высокой публицистической активности Милюкова по думской тематике свидетельствует опубликование им со 2 марта по 13 апреля 1906 г. только за своей подписью, не считая редакционных, 17 крупных статей¹³.

Думская тематика на страницах русской печати была характерна и для других деятелей партии кадетов и близких им партий и союзов. Так, в «Русских ведомостях», одной из наиболее популярных в стране газет, был опубликован ряд статей первого спикера I Думы С.А. Муромцева, который обобщил законодательную сторону ее работы, выразил свое отношение к ее роспуску и изменению законодательства о выборах¹⁴.

Об активности использования кадетами периодической печати по парламентской тематике служит составленный В.В. Брусняным «Указатель книг и статей», в которых систематизирована информация об обзорах парламентской деятельности на страницах кадетских изданий «Право» и «Вестника народной свободы». Из перечисленных им изданий 134 посвящены деятельности Думы первого созыва, 56 — второго, 132 — третьего, 70 — четвертого¹⁵.

Думская проблематика в публикациях лидеров консервативных союзов ограничивалась преимущественно критикой избирательного закона от 11 декабря 1905 г. и обоснованием необходимости его пересмотра. Различные основания для этого выдвигал ряд известных публицистов и общественных деятелей — редактор «Правительственного вестника» А.А. Башмаков, историк Д.И. Иловайский, сын знаменитого славянофила, литератор Д.А. Хомяков, консервативный публицист, один из руководителей «Кружка дворян» И. Кашкаров и другие¹⁶. В числе других аспектов в консервативной литературе и публицистике было уделено внимание анализу качественного состава депутатского корпуса, критике некон-

¹² Цит. по: *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. [Электронный ресурс] <https://lawbooks.news/istoriya>

¹³ *Ахмадулин Е.В.* Пресса политических партий России начала XX века: Издания либералов. Ростов н/Д., 2001 С. 65.

¹⁴ Русские ведомости. 1907. № 30, 33, 38; 1908. № 79; 1909. № 1; 1910. № 1, 45.

¹⁵ *Бруснян В.В.* Указатель книг и статей о Государственной думе. М., 1913.

¹⁶ *Башмаков А.А.* Органические недостатки нашей выборной системы. СПб., 1907. С. 6, 11–12; *Тихомиров Л.А.* Современное положение приходского вопроса. СПб., 1907. С. 2.

структивной позиции оппозиционных фракций в Думе. Принципиальная линия «монархистов» неизменно вызывала резкую критику со стороны политических противников, нередко именовавших эти издания, как «рептильные» за неукоснительную приверженность идее. В то же время они не могли не признать их поворот в поддержку созыва дарованной верховной властью Думы. Так, Ленин в отношении одной из ведущих газет данного направления — «Московских ведомостей» высказал следующее суждение: «Этот орган консервативной оппозиции правительству, не с злорадством и не с усмешкой, а с пеной на губах, с бешенством отчаяния говорит о бойкоте Думы. Отсюда понятно, что орган черносотенцев, “Новое время”, обрушивается на “абсентеистов” и пытается привлечь к борьбе с идеей бойкота даже Бебеля... Черносотенцы боятся бойкота, и только слепые или заинтересованные в оправдании либералов люди могут отрицать теперь, что успех бойкота был бы безусловно обеспечен, если бы за него высказались деятели земских и городских съездов»¹⁷.

В консервативной публицистике обращали внимание на значительное количественное превосходство левой прессы. Так, газета «Объединение» сообщала, что правые издания уступают им в своем числе более чем в 35 раз. На ее страницах был высказан ряд критических суждений в отношении постановки консервативной печати, причин, по которым они уступали левым изданиям: «Правые — слишком уверены в своих силах, потому они слишком слабо ведут борьбу, слишком много молчат и потому почти всегда проигрывают. Левые — никогда в своих силах не уверены, потому они кричат, борются с необычайным ожесточением и почти всегда побеждают»¹⁸.

В советской историографии исследовательское внимание к газетной периодике было ограничено идеологическими установками. Тематика научных работ включала главным образом вопросы борьбы большевиков с буржуазной и реакционно-клерикальной идеологией, что определило повышенный интерес к истории большевистской печати в годы первой русской революции и деятельности I и II Дум¹⁹.

В последние десятилетия XX в. — начале XXI в. появляются монографические исследования С.В. Смирнова, Б.И. Есина, С.Я. Махониной,

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 11.

¹⁸ Новое время. 1906. 24 апреля.

¹⁹ Вертинский Н.С. Газета в России и СССР XVII—XX вв. М.-Л., 1931; Портянкин И.А. Большевистская печать в годы первой русской революции. М., 1956; Окороков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; Андронов С.А. Большевистская печать в трех русских революциях. М., 1978; и др.

Г.В. Жиркова по истории российской печати, в которых уделено внимание издательской деятельности политических партий начала XX в.²⁰

На материале петербургской прессы Махониной приведено соотношение в ней разных групп партийных изданий за 1907 г. по данным Главного управления по делам печати, которое в главном отражало общую картину по стране: «Примерно из 500 органов периодики, за вычетом 13 официальных, только 41 издание указано в рубрике “консервативно-патриотические и монархические”, 263 названы безразличными в политическом смысле, но почти половина петербургских изданий — оппозиционные». В то же время автор отмечает, что при одинаковой партийной ориентации различные газеты и журналы сохраняли собственные взгляды, не совпадающие в нюансах и оттенках. Общественно-политические газеты и толстые журналы быстро поняли, что выступать под флагом строгой партийности издания, рассчитанные на более разнородные круги читателей, не могут, что привело русскую журналистику к повсеместному отказу от открытого признания своей связи с определенной партией. Скрывать свои партийные симпатии русским газетам и журналам пришлось и из-за цензурных притеснений, многократно усилившихся после поражения первой русской революции и наступившей реакции. Автор критически оценивает правительственную и близкую ей консервативную печать. Недостаток правительственной печати связывает с малочисленностью изданий: центральным и самым известным правительственным печатным органом был «Правительственный вестник», роль которого была сведена к простой передаче информации, что позволило газете «Современная жизнь» заметить: он «отдавал приказы, а не пропагандировал»²¹. Печать консервативных союзов Махонина относит к числу тех, кто не сумел ни у кого завоевать авторитет, включая даже официальный орган Союза русского народа газету «Русское знамя».

Е.В. Ахмадулин, критично оценивая деятельность консервативной печати, ограниченность ее тематики резкими оценками практики работы

²⁰ *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. М., 1981; *Смирнов С.В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981; *Русская литература и журналистика начала XX века / Буржуазно-либеральные и модернистские издания.* М., 1984; *Швецов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997; *Ахмадулин Е.В.* Пресса политических партий России начала XX века: Издания консерваторов. Ростов н/Д., 2001; *Ахмадулин Е.В.* Пресса политических партий России начала XX века: Издания либералов. Ростов н/Д., 2001; *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2004; *Ахмадулин Е.В., Обсеян Р.П.* История отечественной журналистики XX века. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018; и др.

²¹ *Махонина С.Я.* Указ. соч. С. 15, 22.

Думы периода революции и оппозиционных депутатов, в то же время не отрицает и определенной созидательной роли печати черносотенцев в целом. Эта оценка основана на том, что консервативная печать выступала «большим сдерживающим фактором в революционизации масс и притягательной силой объединения русских промонархистски настроенных патриотов и националистов»²².

В характеристике либеральной, особенно кадетской печати в современной историографии подчеркивается, что она оставалась наиболее массовой и имела широкую сеть провинциальных газет²³. Бюро прогрессивной печати, созданное в апреле 1906 г. в Петербурге, обеспечивало централизованное руководство всей местной кадетской печатью, предоставляя в ее распоряжение руководящие статьи по политическим и иным вопросам, а также корреспонденции о деятельности Думы. В 1905–1907 гг. значительная часть либеральной провинциальной прессы оказалась под непосредственным влиянием кадетов. Е.В. Ахмадулин и Р.П. Овсепян на основании анализа кадетской печати пришли к выводу: «Мощь кадетской пропаганды, ее профессионализм и организационная продуманность и даже спонтанность системы кадетской печати (левофланговые, правофланговые и центристские кадетские издания, выдерживающие, по выражению П.Н. Милюкова, “партийную линию”) были настолько велики по своим потенциям, что даже сами организаторы и идеологи партии в полной мере не смогли оценить это уникальное явление»²⁴.

Отражение думской тематики в периодике леворадикальных политических сил периода революции 1905–1907 гг. характеризуется проведением активной антидумской пропаганды, которой придавалось большое значение и которую рассматривали, согласно принципу партийности литературы, как часть общепролетарского дела. Однако легальные издания данного направления быстро закрывались правительством²⁵.

В исследованиях по истории политических партий в России начала XX в. уделено внимание количественному анализу партийной периодики²⁶. По подсчетам В.В. Шелохаева, кадетская пресса в 1905–1907 гг. включала до 70 центральных и местных газет и журналов, тираж газеты

²² Ахмадулин Е.В., Овсепян Р.П. Указ. соч. С. 77.

²³ Есин Б.И. Указ. соч. С. 85.

²⁴ Ахмадулин Е.В., Овсепян Р.П. Указ. соч. С. 82–94.

²⁵ Там же. С. 113.

²⁶ История политических партий России. М., 1994; Политические партии России: история и современность. М., 2000.

«Речь», являвшейся фактически официальным органом партии, был одним из наиболее крупных и составлял 12–20 тыс. экземпляров. Печать Союза 17 октября в 1906 г. определена численностью свыше 50 газет на русском, немецком и латышском языках²⁷.

Важные аспекты рассматриваемой проблемы нашли отражение в работах по истории российской журналистики в начале XX в. Сформулирован тезис о том, что начало XX в. ознаменовалось качественными переменами в информационных запросах окрепшей газетной аудитории. Система газет развилась и усложнилась, а местные издания играли на этом фоне весьма заметную роль²⁸. При этом исследователями в качестве особого этапа российской журналистики выделяется «парламентская печать», т.е. периодика, возникшая и функционировавшая в период созыва и деятельности первого парламента Российской империи²⁹. Одним из оснований этого выступает факт того, что пресса, не подлежащая предварительной цензуре, с первых же дней работы обновленного строя начала играть активную роль в формировании общественного настроения.

Новым направлением в изучении думской периодики выступило изучение истории создания и деятельности корпуса парламентских журналистов, предпринятое в научных публикациях О.А. Патрикеевой. Автором подняты проблемы изучения практики деятельности думских корреспондентов, аккредитованных в Думе — представителей повременной печати России. Патрикеева приходит к выводу о том, что парламентская печать завоевывала симпатии все большего числа читателей, становясь, по мнению современников, «живой, энергичной, с большим темпераментом и отзывчивой на все малейшие движения общественной и политической жизни»³⁰. Такое качество газетных изданий, отмечает исследователь, в определенной мере было связано с появлением новой фигуры — думских корреспондентов, с работой которых газеты приобретали

²⁷ Политические партии России: история и современность... С. 117, 159.

²⁸ Родионова Т.С. Провинциальность и популярность: к особенностям формирования городской газеты на рубеже XIX–XX веков в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 69–79.

²⁹ Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917). М., 2000; Ахмадулин Е.В. История российской журналистики начала XX века. Издания либералов...; Варецкий Б.И. Шелест страниц как шелест знамен. Пресса России в трех политических режимах. М., 2001; Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная дума России. М., 2007; Ахмадулин Е.В., Овсепян Р.П. Указ соч.; Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск, 2014; и др.

³⁰ Патрикеева О.А. Зарождение парламентской журналистики в России в начале XX века // Вестник СПбГУ. Серия «История». 2012. № 4. С. 36.

дополнительные качества — оперативность передаваемой информации и наибольшую полноту изложения сведений о работе Думы.

В публикациях П.С. Ниткина реконструирована практика организации корпуса «думских корреспондентов», что в значительной степени повлияло на характер освещения работы Думы в 1906–1907 гг. В Думе первого созыва журналистам российских изданий в ложах для прессы выделялось всего 35 мест, на которые претендовало от 100 до 150 газет и журналов. Вопросом аккредитации журналистов занимались сами корреспонденты, а не Дума или правительство. На основании критерия, выработанного общим собранием журналистов в Мариинском дворце 23 апреля 1906 г., на аккредитацию могли претендовать только издания общественно-политического характера. Поскольку председателем собрания был избран представитель Партии демократических реформ М.М. Ковалевский, то предпочтение было отдано прессе, оппозиционной по отношению к правительству. Отказ получили и правительственные органы печати (в том числе телеграфные агентства — Российское и Петербургское), так как собрание посчитало, что они не нуждались в специальных думских корреспондентах, поскольку им предписывалось публиковать лишь официальный текст речей, одобренный председателем Думы. По оценке газеты «Новое время», всего было отсеяно около 40 претендентов на билеты в Таврический дворец. Консервативная газета «Московские ведомости» уже во время работы I Думы вновь ходатайствовала о предоставлении места и вновь получила отказ.

Во II Думе журналистам российских изданий выделено было 73 постоянных места, на которые претендовало 150–200 корреспондентов. Как и в I Думе, собрание журналистов руководствовалось при отборе партийным критерием. В результате во время работы первых двух Дум сложилась совершенно уникальная ситуация: в стране существовала оппозиционная законодательная власть, деятельность которой освещало в основном прогрессивное в политическом плане журналистское сообщество. Оппозиционная пресса добивалась большего влияния на общественность в вопросе освещения работы Думы. Правительство вынуждено было предоставлять места консервативным изданиям в обход общего порядка³¹.

Патрикеевой затронут вопрос об эффективности парламентских корреспонденций. С этих позиций ею предпринято исследование жан-

³¹ Ниткин П.С. Аккредитация журналистов в Государственную думу Российской империи и борьба за влияние на общественность (1906–1907 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 12 (86). Ч. 5. С. 177–180.

рового разнообразия публикаций о работе Думы на страницах ряда центральных изданий. Патрикеевой отмечено, что парламентские репортажи, политические интервью, отчеты из кулуаров Думы и заседаний думских комиссий вызывали дополнительный интерес у читателей и содействовали популяризации сведений о деятельности законодательного органа страны³².

Деятельность российской печати по освещению думской тематики нашла отражение в ряде диссертационных исследований. В исследовании А.А. Подсумковой проанализированы политические позиции наиболее значительных периодических изданий — газет «Московские ведомости», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Русский вестник», «Русское богатство», «Сельский вестник» и ряда других в освещении деятельности Думы первого и второго созывов. Подсумкова отметила высокую степень политизации газет в изложении событий, острое политическое соперничество между различными политическими направлениями. Ею сделан вывод о том, что в начале XX в. периодическая печать в России стала политической силой, способной влиять на политическое настроение в обществе. Эта политическая заостренность газетной периодики в начале XX в. превращала ее в политическое орудие, направленное на свержение правительства и изменение государственного устройства. Автор отмечает, что особенно явно эта направленность проявилась в связи с публикацией на страницах газет информации, связанной с практикой деятельности Думы. По мнению автора, пресса гораздо сильнее влияла на работу и судьбу Государственных дум первого и второго созывов, чем они на прессу. В заключение Подсумкова формулирует следующий вывод: «...либеральная и консервативная часть прессы, хотя и в силу различных причин, не только не поддерживали первые парламентские учреждения, но и вредили их работе, подрывали авторитет, критикуя (когда справедливо, когда и нет), дискредитируя и нередко на своих страницах искажая деятельность первых двух Дум. В этом нам видится одна из многочисленных и серьезных причин нежизнеспособности первых двух парламентов России»³³.

³² Патрикеева О.А. Зарождение парламентской журналистики в России в начале XX века... С. 52; Патрикеева О.А. Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Вып. № 1. Т. 4. 2014. С. 160–168; Патрикеева О.А. «Новое время»: вклад в развитие парламентской журналистики в России (начало XX в.) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова: Серия «История и политология». М., 2013. № 2. С. 5–13.

³³ Подсумкова А.А. Государственная дума и периодическая печать России в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 3–4, 23–24.

В диссертации П.С. Ниткина освещена работа парламентской прессы Думы первого, второго и третьего созывов. Автор поднял важную проблему точности и объективности информации о Думе и пришел к выводу о том, что обеспечение этого ее качества оставалось невыполнимой задачей в силу ряда объективных и субъективных причин. В числе наиболее существенных из них выделены политическая ориентация изданий в подходе к отбору материала о работе Думы и трудности, связанные с технической стороной работы журналистов в ней³⁴.

На современном этапе отечественной историографии востребованным представляется изучение проблемы на материалах региональной периодики. Это обусловлено потребностью в освоении культурных особенностей всех исторически сложившихся на территории империи социумов с учетом их географической и социально-экономической специфики. Следует отметить, что данное направление только проявляет тенденцию к развитию.

С начала 2000-х гг. защищен ряд диссертационных исследований по истории региональной периодики. В то же время проблема освещения деятельности Думы выступает в них лишь фрагментарно, чаще всего через аспект отражения в периодике специфики общественной жизни страны и региона³⁵.

Представляет интерес диссертационное исследование В.Ф. Блохина по истории становления и развития губернской периодической печати в России во второй трети XIX в. — начале XX в. Автор выявляет ряд новых тенденций в системе губернской периодики в начале XX в.: если с 1890-х гг. происходил процесс либерализации российской прессы, то к концу 1905 г. губернская печать стремительно политизировалась и все активнее выступала в качестве оппозиционной силы уже не в отношении местной власти, а против российского правительства в целом. В содержании газет наблюдался отход от прежней тематики, связанной с вопросами местной жизни, местные газеты начали активно представлять интересы различных политических образований. Власти необходима была опора на общественное мнение, которое отражалось и формировалось периодической прессой, поэтому она пошла на некоторое расширение свободы печати. Однако печать воспользовалась полученными изменениями в законодательстве не для решения актуальных проблем, долгие годы являвшихся для нее главными и связанными с вопросами местной жизни, а заняла активную позицию

³⁴ Ниткин П.С. Государственная дума и парламентская пресса Российской империи в 1906–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. С. 20.

³⁵ Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии: 1838–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006.

в борьбе с самим правительством. Таким образом, формы государственного управления, использовавшиеся по отношению к провинциальной печати и оказывавшие прямое или опосредованное на нее влияние, не принесли ожидаемых результатов. Губернская печать не превратилась ни в реального партнера, ни в активного сторонника власти³⁶.

Наряду с определенными достижениями в изучении газетной периодики начала XX в. и отражении в ней истории Думы, по-прежнему остается ряд дискуссионных и малоизученных аспектов. Так, если А.В. Лихоманов причину того, что правительственная печать не смогла выполнить возложенную на нее задачу создания благоприятного общественного мнения, связывает с кризисом идеологии самодержавия, неспособности выдвинуть программу мер³⁷, то автор историко-правового исследования парламента А.Ф. Смирнов указывает на то, что «строй думской монархии, со всеми его теоретическими и практическими недостатками, был для России XX в. той мерою свободы, которая существует для подобного государства и превышение которой, как показал опыт, быстро приводит — через анархию — к утрате всякой свободы»³⁸.

На уральском материале исследуемая проблема также не получила всестороннего исследования. В работах дореволюционных исследователей и публицистов основное внимание было сконцентрировано на освещении истории возникновения и выхода в свет периодических изданий по отдельным губерниям Урала³⁹.

Внимание исследователей советского периода к региональной прессе концентрировалось преимущественно на освещении отдельных сторон истории большевистской печати в регионе, в связи с чем несоциалистические издания представлены в них фрагментарно⁴⁰. К числу достижений

³⁶ Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX — начало XX в.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2010. С. 553.

³⁷ Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. С. 129.

³⁸ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 287.

³⁹ Эволюция печати в г. Перми. Сарапул, 1906; Развитие газетного дела в Пермской губернии (Историческая справка). СПб., 1907; *Верхоланцев В.* Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г. Пермь, 1913; *Столянский П.Н.* Список деятелей печатного слова в Оренбурге // Труды ОУАК. Вып. 33. Оренбург, 1916.

⁴⁰ *Пятницкий А.Н.* Большевистская печать Урала периода 1907–1908 гг. // Ученые записки УрГУ. Общественные науки. Свердловск, 1948. Вып. 5; *Макашина Л.П.* Публицистика уральских большевиков в легальной печати 1905–1907 гг. Свердловск, 1987; *Савельев А.* Славный путь большевистской печати Оренбуржья. Оренбург, 1977; *Курасов А.И.* Становление и развитие революционной печати на Урале в начале XX века. Свердловск, 1981.

данного периода следует отнести систематизацию информации о выходящих в регионе периодических изданиях и ее опубликование, что способствовало дальнейшему их углубленному изучению⁴¹.

На современном этапе отечественной исторической науки возрастает внимание к исследованию региональной периодики. В ряде монографических исследований они выступают в качестве источников исследования деятельности уральских депутатов в Думе⁴², истории региональных отделов политических партий России начала XX в.⁴³, их пропагандистской деятельности⁴⁴. Продолжается работа по систематизации печатных СМИ по отдельным губерниям⁴⁵.

В начале 2000-х гг. появляются диссертационные исследования, в которых региональная печать выступает в качестве специального предмета исследования. Так, в диссертации А.А. Курасовой по истории уральских организаций политических партий в годы первой русской революции анализируется весь спектр партийной периодики данного периода. Автор поднимает вопросы не только степени ее широты, но и эффективности, учета специфики социально-культурного уровня регионального общества. Ею сформулирован вывод о том, что уральские представители правых и левых политических партий развернули широкомасштабную печатную пропаганду, какой не было ни в каком другом регионе страны, что подтверждается тиражами газет, листовок и иной печатной продукции. При этом приоритет в данном направлении пропагандистской работы принадлежал, как установлено исследователем, социалистическим парти-

⁴¹ Периодика Урала. Вып. 1: дореволюционные издания. Библиографический указатель / Сост. Г. М. Савиных. Свердловск, 1976.

⁴² *Лоскутов С.А.* Государственные думы и октябристы Урала (1905–1917). Челябинск, 1997; *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; *Сидоренко Н.С.* С мечтой о великой России: уральские консерваторы и либералы в Государственной думе. М., 2005; *Анохина З.Н.* Уральские депутаты в Государственной думе (1905–1907 гг.). Челябинск, 2006.

⁴³ *Нарский И.В.* Кадеты на Урале в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1991; *Он же.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Ч. 1, 2. Челябинск, 1995; *Лоскутов С.А.* Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916). Челябинск, 1995; *Сидоренко Н.С.* Монархическое движение на Урале (1905 — февраль 1917 г.). Челябинск, 2000; *Максимов К.В., Шалагина С.В.* Консервативно-монархическое движение в Уфимской губернии. 1905–1907 гг. Уфа, 2007.

⁴⁴ *Голубев Н.Р.* Политическая пропаганда и агитация оппозиционных и революционных сил на Урале в годы первой революции в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1993.

⁴⁵ *Сафонов Д.А.* Периодика Оренбургского края. Вып. 1: Первые сто лет. Оренбург, 2004.

ям. Печать уральских комитетов либеральных партий, по мнению А.А. Курасовой, пользовалась меньшей популярностью в регионе, так как здесь был слабо представлен средний класс — классическая опора либерального движения, да и сами тексты либеральных газет «были слишком затеоретизированы» и поэтому не находили отклика у большинства читателей⁴⁶.

В диссертационном исследовании Д.Ю. Пухова отмечено, что периодическая печать в России начала XX в. являлась важной составляющей общественно-политической борьбы, а функционирование системы независимой печати — неотъемлемой частью общественно-политической жизни. Автором выявлена губернская специфика системы демократической печати: преобладание в Вятской губернии в 1905–1907 гг. изданий неонароднической и кадетской направленности, а в Пермской губернии — социал-демократической и кадетской прессы. Характеризуя содержание демократической прессы Вятской и Пермской губерний в данный период, отмечено, что демократическая печать, настаивая на немедленной реализации кардинальных политических преобразований, занимала подчас крайне радикальные позиции, способствуя дестабилизации ситуации в стране⁴⁷.

Диссертационное исследование А.Н. Лихтина на материале печати Оренбургского края XIX–XXI вв. ориентировано на изучение механизма взаимодействия печати и органов власти. Автором выявлено «пристрастное» правовое регулирование печатью со стороны власти на основании критерия соответствия государственным идеологическим принципам⁴⁸.

Значительный вклад в исследование истории печати Урала в начале XX в. внесено работами филологов и журналистов⁴⁹. В исследовании В.В. Пугачева освещены основные вехи развития издательского дела в Уфимской губернии в начале XX в., отмечено расширение практики деятельности городской газеты, проанализированы изменения информа-

⁴⁶ Курасова А.А. Уральские организации политических партий России накануне и в период революции 1905–1907 гг. (по материалам печати): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

⁴⁷ Пухов Д.Ю. Общественно-политические позиции легальной демократической прессы Урала в середине 1890-х гг. — феврале 1917 г.: По материалам Вятской и Пермской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 19, 22.

⁴⁸ Лихтин А.Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти: На материалах Оренбургского края XIX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

⁴⁹ Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Т. 1: 1760–1860 гг. Екатеринбург, 1992; Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Т. 2: 1860 — начало 1880 г. Екатеринбург, 1992.

ционных запросов ее читателей⁵⁰. В монографии А.А. Вахрушева отражен процесс становления периодической печати в Вятской губернии, охарактеризована деятельность ряда ведущих изданий⁵¹.

Таким образом, анализ отечественной историографии свидетельствует, что деятельность Государственной думы на страницах местной периодики Урала не получила всестороннего исследования и требует дальнейшего ее изучения как специфический политический дискурс.

В качестве основного метода используется лингвистический, основанный на признании роли языка, текста и нарративных структур в созидаании и описании исторической реальности. Данный метод является базовой характеристикой культурологического подхода к истории, получившего название «новой культурной истории». В свою очередь «новая культурная история» активно проникает в ткань так называемой новой политической истории, отличие которой от классической «событийной» истории составляет включение антропологических и культурологических методов анализа явлений «политического». Новый подход ориентирует на изучение не только области материального, но и выявление субъективирующей роли политических институтов общества, актуализирует анализ содержания политического дискурса, культуры и языка⁵².

Основания дискурс-анализа были определены в работах американского лингвиста З. Харриса и ряда его последователей⁵³. В российском научном поле анализ дискурса развивается на базе освоения опыта дискурсивных исследований французской и англо-американской школ. С начала 1990-х гг. наблюдается быстрый рост исследований, относящих себя к «анализу дискурса». Следует признать при этом, что сам термин «дискурс» получает множество толкований. Одним из первых придал слову «дискурс» терминологическое значение Э. Бенвенист. Ему же принадлежит определение его как «речи, присваиваемой говорящим»⁵⁴.

С именем П. Шардо связано понимание диалектики текста и дискурса: первый есть результативная, а второй — процессуальная стороны

⁵⁰ Пугачев В.В. Уфимская книжность. Эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела. Уфа, 2004.

⁵¹ Вахрушев А.А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII — начала XX в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2011.

⁵² Большакова О. Новая политическая история: Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М., 2006. С. 11.

⁵³ Дейк ван Т.А. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 153–212.

⁵⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. 3-е изд. М., 2009. С. 296.

речевой деятельности. По его мнению, текст — это «воплощение, наглядное изображение другой речи»; «это неповторимый, единичный результат процесса, зависящего от говорящего и от условий речепроизводства». П. Шародо отмечает также жанровое разнообразие дискурсов и соотносимость их с определенной ситуацией, что позволяет представить в общих чертах дискурс в виде суммы таких слагаемых, как «высказывание» и «коммуникативная ситуация»⁵⁵.

Такое понимание дискурса предполагает необходимым исследовать данное явление во времени и пространстве, т.е. по мере его появления и развития. Кроме того, при его анализе необходим также учет социальных, культурологических и прагматических факторов. При интерпретации политического текста актуальным выступает положение, высказанное Т.А. ван Дейком о то, что дискурс является существенной составляющей социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — интересы, цели и стиль⁵⁶.

В данной статье под дискурсом понимается текст, интерпретируемый автором в соответствии с его политической позицией в конкретной исторической ситуации начала XX в., вписанный в данную коммуникативную ситуацию — ситуацию общения в региональном измерении в связи с обсуждением вопроса о созыве Государственной думы и практике ее деятельности. В этой связи речь идет о политическом дискурсе, важным элементом которого является политическая коммуникация, т.е. процесс общения между участниками политической деятельности. Это ориентирует на выявление и учет элементов, его составляющих. Дискурсное поле включает три элемента — субъект, передающий сообщение (адресант), само сообщение (текст, различного рода информация), субъект, принимающий сообщение (адресат). Таким образом, анализ дискурса позволяет проследить механизм оказания влияния политического дискурса на массовое сознание в политике.

Когнитивная модель обработки дискурса строится в соответствии с концепцией Дейка по обработке языка с учетом социальных факторов. Она включает приведение к позиционному единству рассеянного множества высказываний (корпуса слов, корпус фраз того или иного типа) по критерию «идеологически пристрастных точек зрения» в специфической «модели ситуации» — «ситуации восприятия» уральским региональным

⁵⁵ Цит. по: Каменская Т.Н. Понятие дискурса в лингвистике [Электронный ресурс] // http://rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm (Дата обращения 30.01.2021).

⁵⁶ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.

обществом процесса конституционной реформы в России в начале XX в., центральной идеей которой стало создание Государственной думы.

Анализ дискурса периодики Урала позволяет, на наш взгляд, реконструировать процесс восприятия обществом места и роли нового политического института в лице Думы, выявить влияние губернской прессы на мотивировку действий аудитории с целью модифицировать мнения и намерения.

Особенности формирования в общественном мнении Урала образа Государственной думы определялись тем, что к концу XIX в. вектор пространственного развития России был направлен на вовлечение в экономику страны мощных ресурсов Урала, преодоление его относительной обособленности. Урал в начале XX в. выступал как крупный промышленный и культурный центр, в котором проживало более 10% населения страны. Это был многонациональный и поликультурный регион. Усиление восточного вектора в индустриальной политике государства во второй половине XIX в. способствовало преодолению обособленности региона, содействовало оживлению экономической жизни, создавало предпосылки для укрепления позиций Урала в масштабах страны⁵⁷.

Промышленное развитие края сопровождалось ростом грамотности и культуры населения, переменами в мировоззрении, оживлением общественной и политической активности. Периодическая печать, возникшая в середине XIX в., становится важнейшей духовной пищей образованных людей в провинции. Губернские и ряд крупных уездных городов стали своеобразными издательскими центрами, которые обеспечивали изданиями население региона.

Реформирование системы печати на основе Временных правил 24 ноября 1905 г. и введение разрешительного принципа открытия новых изданий привели к значительному росту частных изданий на Урале. В ряду новых изданий возросло число новой периодики, особенно политической. При этом в большинстве случаев издательское, типографское, книготорговое и библиотечное дело в уральских губерниях было не мещанским делом, а прибыльным бизнесом в первую очередь. Всего из 27 газет, выходивших в 1900 г. на Урале, монархические и церковные составляли более половины — 16 изданий. В 1905–1907 гг. в крае возникло более 70 наименований новых легальных газет и журналов и свыше

⁵⁷ См.: Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 70.

40 бесцензурных. Либерально-буржуазная печать существенно потеснила консервативную⁵⁸.

В большинстве случаев периодические издания были представлены городскими газетами, что объяснялось и большей концентрацией населения в городах, и их более высоким уровнем грамотности городского населения. Так, доля грамотных в городах Уфимской губернии была в 2,5 раза выше, чем в сельской местности. Это соотношение корреспондировало и другим губерниям Урала, где сельское население составляло абсолютное большинство.

Правительственная печать была представлена на региональном уровне «Губернскими ведомостями», финансовые, кадровые и иные позиции которых были укреплены в условиях усилившейся с началом выборов в Государственную думу информационной борьбы. Определенную роль сыграло добавление к ним неофициальной части. Такие «добавления» выходили иногда даже под собственным заголовком. Кроме того, «Губернские ведомости» имели специальные приложения и листки, рассчитанные на народное чтение.

Характеризуя читательскую аудиторию, следует отметить, что представители привилегированного сословия (дворянство) читали преимущественно выписываемые из столиц газеты и журналы. Местные издания читали в основном чиновники и простые люди⁵⁹.

В числе наиболее доступных для народа изданий являлись губернские епархиальные ведомости, имевшие достаточно широкое распространение среди населения региона. По данным Святейшего синода, в уральских епархиях в 1905 г. в 70% общего числа церквей имелись приходские библиотеки⁶⁰.

Формирование специфического политического дискурса по вопросу созыва Государственной думы на страницах уральской губернской периодики было связано с ростом общественно-политической активности в стране и регионе в начале XX в., событиями революционного характера 1905 г., под давлением которых правительство пошло на реформирование политической системы. Опубликование высочайшего рескрипта 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о возложении на Совет министров рассмотрения и обсуждения поступающих на имя императора от частных лиц и учреждений «предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства...»,

⁵⁸ См.: История Урала в период капитализма... С. 208, 388–389.

⁵⁹ См.: Пугачев В.В. Уфимская книжность... С. 26–35.

⁶⁰ Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале... С. 50.

положило начало гласному обсуждению вопросов совершенствования политической системы в России и на Урале⁶¹. Новый импульс развития политического дискурса вызвала публикация Манифеста от 6 августа 1905 г. Опубликование Манифеста 17 октября 1905 г. явилось определенным рубежом, обусловившим качественно новые аспекты в политическом дискурсе на Урале.

Исследование профиля адресантов политического дискурса на страницах уральской губернской периодики в начале XX в. позволило выявить преобладание среди них индивидуальных субъектов — корреспондентов центральных периодических изданий, чьи репортажи были размещены на страницах уральской губернской периодики, а также представителей различных социальных и политических групп регионального общества, высказывавшихся по думской проблематике.

Среди адресантов на начальном этапе формирования специфического политического дискурса по вопросу созыва Думы преобладали представители сословных объединений дворянства, представители различных социальных групп регионального общества, в последующем — лидеры формирующихся в регионе отделов политических партий, а также коллективные субъекты — политические партии, от имени которых на страницах уральской губернской периодики размещалась соответствующая информация.

Используя классификацию, предложенную А.П. Чудиновым⁶², мы выявили три типа авторства политических текстов: авторские, тексты без формального автора и тексты со смещенным авторством. Авторские политические тексты оказались в меньшинстве. Они представлены преимущественно публикациями лидеров российских политических партий. Большинство политических текстов на страницах уральской губернской периодики размещалось без формального автора. Это касалось прежде всего адресантов, занимавших консервативные и леворадикальные позиции. В первом случае авторы опасались причисления их к числу «ретроградов», что не соответствовало духу «революционного романтизма», имевшему широкое распространение в регионе в начале XX в. Во втором случае адресанты опасались преследований со стороны полиции.

Анализ политического дискурса по теме позволил выявить три различных уровня восприятия Думы, которые были обусловлены политиче-

⁶¹ Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Рескрипт от 18 февраля 1905 г. министру внутренних дел А.Г. Булыгина и региональные отклики на него (на материалах Урала) // Конституционная реформа в России начала XX века. Т. XIX. М., 2015. С.118–128.

⁶² См.: Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006.

скими взглядами адресантов на процесс реформирования общественно-политической жизни империи в начале XX в.

Центр консервативного политического дискурса фокусировался на поддержке имиджа и статуса самодержавия, на убеждении адресата в его преимуществе для России и отстаивании принципа преемственности в его развитии.

Достижению цели — оказанию влияния в сфере мотивов, установок, потребностей и ценностных ориентаций читателей — служили различные жанры и приемы (репортажи, политические высказывания, стихи, верноподданнические телеграммы и др.).

В языковой системе, являющейся функциональной единицей коммуникативного процесса, преобладали, согласно классификации О.Н. Паршиной⁶³, конструкции, связанные с реализацией стратегий убеждения, защиты и удержания власти. Важное место занимал эмоционально-оценочный компонент, связанный со стереотипным представлением о месте и роли самодержавия в ценностной картине мира. Данный принцип занимал высшую ступень в шкале ценностей и служил основой бинарной позиции противопоставления ему других форм, прежде всего — парламентаризма.

В языковой системе преобладали конструкции, подчеркивающие исторический характер власти и ее заслуги, которые в сочетании с лексемами, дискредитирующими противника, были направлены на убеждение адресата в недопустимости реформ в условиях революции.

Наиболее типичными выступали следующие лексемы — «нераздельность православия, самодержавия и народности», «следование исторической традиции», представление сторонников традиционализма как «истинно русских людей», «святой русский царь самодержец», «сила России — православие, самодержавие и русская народность», «драгоценный бриллиант в венце русского самодержца» и др.⁶⁴

В уральском консервативном политическом дискурсе присутствовало неприятие идеи созыва Земского собора. В числе позиций, выражающих это мнение, выступали высказывания следующего рода: «нынешние земские люди, собравшись, предъявят такие требования царю, какие они теперь предъявляют в своих революционных речах и адресах — и тем более не от себя, а от народа», «нет, не земская говорильня нам нужна,

⁶³ См.: Паршина О.Н. Российская политическая речь. М., 2012. С. 232.

⁶⁴ Ростовцев К. Драгоценный бриллиант в венце русского самодержца // Уфимские губернские ведомости. 1905. 16 января; М.В. Опасное недоразумение // Там же. 8 февраля; Ростовцев К. Святой русский царь самодержец // Там же. 9 февраля; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Вятка, 1906. С. 102–104.

а твердые, разумные, последовательные меры правительственной власти, которые водворили бы мир и порядок в России... » и др.⁶⁵

В текстах консервативного дискурса стратегия защиты удержания власти активно сочеталась с наступательной стратегией и попыткой убедить адресата в недопустимости осуществления политических реформ в условиях революции. В числе наиболее типичных языковых систем выступают такие как «непростительный шаг», который будет истолкован «общественным мнением» как признание правительства в своей беспомощной слабости, как «уступка «общественному мнению» и др.⁶⁶ Попыткам реформ противопоставлялась необходимость «следования принципам твердой политики Александра III — успокоение, а потом преобразования». Эту линию отразили публикации о прошедших в январе 1905 г. очередных дворянских собраниях, выразивших, что всегда будут составлять «партию благонадежного консервативного направления»⁶⁷.

Стратегия защиты удержания власти в уральском консервативном политическом дискурсе нашла отражение в лексемах, направленных в поддержку действий властей по регулированию делом печати, в частности в поддержку пересмотра закона о печати и усилению контроля над ней⁶⁸. Опасения правых не были лишены основания. По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, правительственный указ, дававший одновременно с опубликованием рескрипта 18 февраля 1905 г. значительную свободу собраний для обсуждения вопросов политического преобразования России, отменяя предыдущий и не создав нового законодательства о собраниях, совершенно перевернул все существующие понятия дозволенного и запретного⁶⁹.

Стратегии самопрезентации, защиты и удержания власти дополнялись в уральском консервативном дискурсе стратегией дискредитации противника. В качестве противника выступала, прежде всего, земская ли-

⁶⁵ Политика уступок // Уфимские губернские ведомости. 1905. 10 февраля; Ложные вести о Земском соборе // Там же. 16 февраля.

⁶⁶ Шишкин Н.И. Голос пастыря // Уфимские губернские ведомости. 1905. 11 января; Истинно русские патриотические голоса из Уфимской губернии // Там же. 1905. 19 января; Политика уступок // Там же. 10 февраля; Обращение председателя уездного съезда С.В. Мацнева // Там же. 22 февраля.

⁶⁷ Сидоренко Н.С. Дворянская правая и ее роль в консолидации консервативных сил Урала в начале XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. № 10 (269). 2012. С. 67.

⁶⁸ Русский. Информативная статья // Уфимские губернские ведомости. 1905. 18 февраля.

⁶⁹ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 432–433.

беральная интеллигенция, решительно настроенная на политику реформ. Стратегии дискредитации противника соответствовал критический оценочный компонент, содержащий недоверие земцам на основании их политических взглядов и убеждений, а также их деловых качеств. Примером может служить ряд лексем — «измышления нашей интеллигенции, несозревшей, не мыслящей, но безрассудно увлекающейся подражанием западу»; «земская говорильня»; «возбуждение разных, противных духу и вере и взглядам всего русского народа несбыточных ходатайств»; «если хозяйственные дела землевладельцев и земледельцев идут не самым лучшим образом, есть ли основание по совести думать, что эти земские и городские люди в состоянии вести дело государственное?» и др.⁷⁰

Опубликование Манифеста от 6 августа 1905 г. о созыве законосовещательной Думы изменило содержание консервативного политического дискурса. Его активность резко снизилась. Признав необходимость некоторых политических реформ, авторы подчеркивали, что основанием для этого являлись, прежде всего, указанные «с высоты царского престола... общественные жизненные недочеты» и призыв самого монарха ко всем гражданам Русской земли в необходимости их «уврачевания», в том числе «доверием народа облеченных выборных людей на совет царский». В этой связи они нацеливали своих единомышленников «откликнуться на зов царя не словом, а самым делом... выбрать и послать ему верных, истинно русских, православных, искренно преданных вере, царю и отечеству людей в его Государственную думу»⁷¹. Еще более сдержанными по тону стали публикации в связи с опубликованием Манифеста 17 октября 1905 г. о созыве законодательной Думы. С этого времени уральский консервативный дискурс включал в свой концепт призыв к адресату — жителям региона — следовать воле монарха. Одновременно на страницах газет появился призыв к единомышленникам из их числа о необходимости политической организации для участия в предстоящих выборах в Думу.

Консервативный политический дискурс на Урале был ориентирован на поддержание идеи единения народа и власти, на убеждение адресата в целесообразности принципа преемственности общественно-политического развития страны. В языковой системе преобладали стратегии

⁷⁰ Письмо русского человека из Бирска // Уфимские губернские ведомости. 1905. 5 февраля; Сообщники убийц // Там же: 13 февраля; Что лучше или что хуже // Уфимские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1905. 20 февраля; Царская воля и наша интеллигенция // Уфимские губернские ведомости. 1905. 5 марта; Куда же мы идем? // Там же. 15 марта.

⁷¹ Уфимские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1905. 15 сентября.

убеждения, защиты и удержания власти. Важное место занимал эмоционально-оценочный компонент, связанный со стереотипным представлением о месте и роли самодержавия в ценностной картине мира.

Либеральный политический дискурс на страницах уральской губернской прессы по вопросу созыва представительного учреждения не был столь однороден, как консервативный. Общим в данной среде следует отметить горячее одобрение рескрипта от 18 февраля 1905 г., нашедшее выражение в верноподданнических телеграммах от губернских и уездных земств, органов городского самоуправления. Они выражали надежду на то, что «дарованные» реформы укрепят монархию на основе соглашения между властью и обществом. Так, в адресе Пермского земского собрания говорилось: «Во всей массе русских людей да почерпнете вы, государь, силы для вашей исторической роли, при дружном содействии земских сил страны. С вами Бог и вся Россия»⁷².

В то же время сторонники умеренного и левого крыла по-разному определяли основание для такого соглашения. Так, правое его крыло поддержало законодательную основу булыгинской Думы, выразив готовность к компромиссу с властью в условиях нараставшего революционного движения. Левое крыло — напротив, усилило оппозиционный тон, выражая неудовлетворенность статусом законосовещательной Думы⁷³.

Определенные различия проявились и в отношении Манифеста 17 октября 1905 г. Правое крыло либералов восприняло его как «вполне отвечающего интересам населения». Часть левых либералов, принимая его, в то же время выразила сомнения в возможности полного и последовательного осуществления «дарованных» реформ в связи с сохранением в стране и крае режима усиленной охраны, действия чрезвычайных законов и других подобных мер⁷⁴. Другая часть левых либералов была не удовлетворена им. Позицию данной группы уральских либералов представляли лексемы вокруг «четырёххвостки» — созыва «представительства» «на основе всеобщего, равного и тайного голосования», первое заседание Думы «должно явиться учредительным собранием для выработки основных законов Российской империи и однопалатной системы представительства»⁷⁵.

⁷² Телеграммы // Уфимские губернские ведомости. 1905. 24 февраля.

⁷³ Сидоренко Н.С. С мечтой о великой России... С. 20–21.

⁷⁴ Экстренное заседание Челябинской городской думы от 31 октября 1905 г. // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-596. Оп. 1. Д. 62. Л. 7; Пермские губернские ведомости. 1905. 28 октября.

⁷⁵ Митинг в Благородном собрании // Пермские губернские ведомости. 1905. 28 октября.

Либеральный политический дискурс отличался наступательным характером, опорой на теоретические изыскания и положительную практику западноевропейских государств. В его арсенале преобладали стратегии самопрезентации и дискредитации противника и убеждения адресата в практической необходимости создания в России парламента. В то же время стратегия убеждения реализовывалась преимущественно в отношении Думы, созывавшейся на основе Манифеста 17 октября 1905 г. В отношении булыгинской Думы уральские либералы высказывали критические суждения. Левое крыло земской общест­венности поддержало бойкот выборов в законосовещательную Думу⁷⁶.

Осенью 1905 г. в связи с накалом революционной борьбы и переходом части революционных сил к вооруженной борьбе против самодержавия в либеральном дискурсе формируется стратегия компромисса с властью. Она сочетала в себе поддержку созыва законодательной Думы и одновременно критику установок социалистических партий на срыв выборов и дальнейшую борьбу за республику. В целях усиления *стратегии убеждения* в текстах использовалось характерное для социалистического политического дискурса прямое обращение к адресатам: «ты сам, через своих представителей, путем мирной работы устраивай с ними (депутатами. — Н.С.) свое благополучие», «нам республика сейчас не нужна, т.к. к этой форме правления мы еще не готовы», звучали идеи о свободе в рамках парламентаризма и призыв не выходить за его рамки. Левое крыло уральских либералов сохраняло в своей политической риторике критику законодательства, определявшего структуру и статус Думы, и продолжило линию, сфокусированную на достижение ранее выдвинутых целей уже в ходе ее работы. С конца 1905 г. либералы значительно активизировали пропагандистскую деятельность, используя не только печатные средства, но и устную пропаганду⁷⁷.

Либеральный политический дискурс на Урале не был столь однороден, как консервативный. Правое его крыло содержало удовлетворение как законодательной основой народного представительства на основе Манифеста от 6 августа, так и 17 октября 1905 г. Другая часть, напротив — недоверие тому и другому, и требование созыва Учредительного собрания для выработки основных законов Российской империи и однопалатной системы представительства. Либеральный политический

⁷⁶ 1905 год в Самарском крае. Самара, 1926. С. 159.

⁷⁷ Об устройстве народных чтений // Пермские губернские ведомости. 1905. 29 октября; Митинг мещан г. Екатеринбург // Там же. 1905. 12 ноября.

дискурс отличался наступательным характером, в языковой системе преобладали теоретические обоснования идеи парламентаризма западноевропейского образца.

Социалистический политический дискурс отличался категоричностью содержания, основанной на бинарной позиции противопоставления монархии — демократической республике, исключавшей правомерность буржуазной республики и парламентаризм. Наиболее типичной выступала стратегия дискредитации и нападения, неотъемлемым компонентом которых было умышленное формирование негативного образа монархии. Политическую систему России характеризовали лексемы «феодалная», «отсталая», «Долой самодержавие!».

В условиях первой русской революции радикальный сегмент политического дискурса на Урале становился все более широким и приобретал наступательный характер. В рамках данной политической культуры была отвергнута идея созыва законосовещательной Думы. Характерные для данного дискурса лексемы демонстрирует одна из многочисленных листовок, распространявшихся сторонниками большевиков на Урале в данный период — обращение ЦК РСДРП «К рабочим и крестьянам по вопросу о беспорядках Государственной думы»: булыгинская Дума характеризовалась в таких определениях, как «наглое издевательство над рабочим классом России», «грубая попытка обмануть русское крестьянство и весь русский народ», «подделка народного правительства», «Долой совещательную Думу! Бойкот Думе! Долой царское правительство!» и др.⁷⁸

Издание Манифеста 17 октября 1905 г. о созыве законодательной Думы не привело к существенным изменениям в содержании социалистического политического дискурса на Урале. Более того, его масштаб расширился, в его структуре более четко были определены группы адресатов и их особенности, которые учитывались в процессе коммуникации⁷⁹. Социалистические тексты составлялись как на русском, так и на татарском языках, с учетом национальной специфики населения Урала. Исходным тезисом в социалистическом политическом дискурсе выступало отрицание «буржуазного парламентаризма» и противопоставление ему созыва революционным путем Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Манифест 17 октября 1905 г. и провозглашенные в нем начала демократизации общества

⁷⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1221. Л. 1; ОГАЧО. Ф. И-596. Оп.1. Д. 68. Л. 9.

⁷⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 165. Л. 117–118.

были представлены как очередной «трюк самодержавия». Социалистический дискурс формировал негативный образ Думы, содержал призывы к бойкоту выборов в нее.

Развитие уральского социалистического дискурса в рассматриваемый период характеризовало стремление к разработке стратегий убеждения в сочетании со стратегией дискредитации в отношении власти и созываемой ею Думы, ориентированных на конкретного адресата — основные социальные группы регионального общества. В частности, в отношении сельского адресата средствами формирования такой стратегии были лексемы о безосновательности надежд крестьянских масс в решении земельного вопроса данной Думой. Типичными были такие — «новый обман», «хватит ли на всех земли?», «...нет — эта Дума не может выразить воли народа; она может представить лишь волю богатых классов...» и др.⁸⁰

Применительно к данному типу политического дискурса можно говорить о наличии манипулятивной стратегии, которая реализовывалась на основе социального и психологического воздействия на адресата. В арсенале адресантов широко использовались такие лексемы, как «Долой Государственную думу! Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует РСДРП!».

Социалистический дискурс содержал призывы к бойкоту Думы и дальнейшей борьбе, в том числе — вооруженной. Это нашло отражение в ряде лексем. Так, в прокламациях Пермского комитета РСДРП, распространявшихся в конце 1905 г., выявлены следующие словосочетания, характеризующие позицию большевиков по отношению к Думе — «рано еще предаваться радости, рано служить молебны, рано праздновать победу», «наше дело — окончательно свергнуть царское самодержавие и заменить его демократической республикой», «мы должны организовать, вооружиться, чтобы взять действительную свободу, ту, которая нам нужна, которую никакие цари и его слуги не смогут у нас уже отнять», «Будьте готовы к кровавому бою за свободу! Свобода или смерть! К оружию, граждане» и др.⁸¹ Тех, кто не разделял подобные идеи, характеризовали как отступников, «изменников делу народной свободы».

Несмотря на то, что большинство изданий данного направления имело кратковременное существование (даже 1–2 номера), их печатная агитация насчитывала сотни тысяч листов, плакатов и карикатур, что

⁸⁰ Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 744.

⁸¹ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

создавало им достаточно широкое поле действия. Действия уральских большевиков в этом направлении строились на основе выработанного в ЦК РСДРП «Плана политической кампании по поводу Государственной думы». Литературная агитация определялась в нем важнейшим средством политической борьбы⁸².

Социалистический политический дискурс на Урале был сфокусирован на отрицании буржуазного парламентаризма и призыве к созыву революционным путем Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. В языковой системе преобладали стратегии убеждения в сочетании со стратегией дискредитации власти, а также манипулятивные стратегии, которые реализовывались на основе социального и психологического воздействия на адресата. Отличительной особенностью данного дискурса были его широкий размах и ориентация на конкретного адресата — основные социальные группы регионального общества.

Представления населения Урала о российском парламенте отразились в составе его избранников в I Государственной думе: из 43 депутатов 24 представляли либералов, 9 — беспартийных, 7 — правых, 3 — левых⁸³. Эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют об остром характере политической борьбы по вопросу введения начал парламентаризма в России, ярко и убедительно продемонстрированном в политическом дискурсе уральской губернской периодической печати.

⁸² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 165. Л. 117–118.

⁸³ Сидоренко Н.С. Уральские депутаты Государственной думы (1906–1917) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 91–92.

REFERENCES

1. *Ahmadulin E.V.* Istoriya rossijskoj zhurnalistiki nachala XX veka. Izdaniya liberalov [History of Russian journalism at the beginning of the XX century. Liberal editions]. Rostov-na-Donu. Izd-vo: OAO Rostizdat, 2000. 176 s.
2. *Ahmadulin E.V.* Pressa politicheskikh partij Rossii nachala XX veka: Izdaniya konservatorov [Press of political parties in Russia at the beginning of the 20th century: Editions of the Conservatives]. Rostov-na-Donu: Izd-vo ZAO «Kniga», 2001. 132 s.
3. *Ahmadulin E.V., Ovsepyan R.P.* Istoriya rossijskoj zhurnalistiki nachala XX veka [History of Russian journalism in the early 20th century]. Rostov-na-Donu: YUFU, 2008. 416 s.
4. *Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Poberezhnikov I.V.* Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy civilizacionnoj dinamike. XVI–XX veka [Asian Russia in Geopolitical Civilizational Dynamics. XVI–XX century]. M.: Nauka, 2004. 599 s.
5. *Andronov S.A.* Bol'shevistskaya pechat' v trekh russkih revolyuciyah [The Bolshevik press in three Russian revolutions]. M.: Politizdat, 1978. 343 s.
6. *Anokhina Z.N.* Ural'skie deputaty v Gosudarstvennoj dume (1905–1907 gg) [Ural deputies in the State Duma (1905–1907)]. Chelyabinsk: PIRS, 2006. 196 s.
7. *Benvenist E.* Obshchaya lingvistika. [General linguistics]. 3-e izd. M.: Editorial URSS, 2009. 448 s.
8. *Bol'shakova O.* Novaya politicheskaya istoriya: Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya [New Political History: Contemporary Foreign Historiography. Analytical overview]. M.: INION RAN, 2006. 98 s.
9. *Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya* [Bourgeois-liberal and modernist publications]. M.: Nauka, 1984. 365 s.
10. *Chudinov A.P.* Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. M.: Litagent «Flinta», 2006. 252 s.
11. *Dejk T.A. van.* Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language. Cognition]. Communication Izd-vo: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 s.
12. *Dejk T.A. van, Kinch V.* Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding a coherent text] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. M.: Progress, 1988. Vyp. 23. S. 153–212.
13. *Esin B.I.* Russkaya gazeta i gazetnoe delo v Rossii [Russian newspaper and newspaper business in Russia]. M.: Iz-vo MGU, 1981. 132 s.

14. Istoriya politicheskikh partij Rossii [History of political parties in Russia]. M.: Vysshaya shkola, 1994. 448 s.
15. Istoriya Urala v period kapitalizma [History of the Urals during the period of capitalism]. M.: Nauka, 1990. 500 s.
16. *Kamenskaya T.N.* Ponyatie diskursa v lingvistike [The concept of discourse in linguistics] [Электронный ресурс] // http://rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm (Дата обращения 30.01.2021).
17. *Leontovich V.V.* Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1914 [The history of liberalism in Russia. 1762–1914]. M.: Russkij put, 1995. 463 s.
18. *Lihomanov A.V.* Bor'ba samoderzhaviya za obshchestvennoe mnenie v 1905–1907 gg. [The struggle of the autocracy for public opinion in 1905–1907]. Izdatel'stvo: SPb: Rossijskaya nacional'naya biblioteka, 1997. 133 s.
19. *Loskutov S.A.* Politicheskie partii torgovo-promyshlennoj burzhuazii na Urale (1905–1916) [Political parties of the commercial and industrial bourgeoisie in the Urals (1905–1916)]. Chelyabinsk: ChelGU, 1995 184 s.
20. *Maksimov K.V., Shalagina S.V.* Konservativno-monarhicheskoe dvizhenie v Ufimskoj gubernii. 1905–1907 gg. [Conservative-monarchist movement in the Ufa province. 1905–1907]. Ufa: Ufimskaya gosud. akademiya ekonomiki i servisa, 2007. 200 s.
21. *Mahonina S.YA.* Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka [Russian literature and journalism of the early XX century]. M.: Nauka, 2004. 238 s.
22. *Narskij I.V.* Kadety na Urale v revolyucii 1905–1907 gg. [Cadets in the Urals in the revolution of 1905–1907]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. 148 s.
23. *Narskij I.V.* Russkaya provincial'naya partijnost': politicheskie ob'edineniya na Urale do 1917 g. (K voprosu o demokraticheskoj tradicii v Rossii) [Russian provincial partisanship: political associations in the Urals before 1917 (On the issue of democratic tradition in Russia)]. Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 1995. Ch. 1 (168 s.), Ch. 2 (169–310 s.).
24. *Nitkin P.S.* Akkreditaciya zhurnalistov v Gosudarstvennuyu dumu Rossijskoj imperii i bor'ba za vliyanie na obshchestvennost' (1906–1907 gg.) [Accreditation of journalists in the State Duma of the Russian Empire and the struggle for influence on the public (1906–1907)] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2017. № 12 (86). Ch. 5. S. 177–180.
25. *Okorokov A.Z.* Oktyabr' i krah russkoj burzhuaznoj pressy [October and the collapse of the Russian bourgeois press]. M.: Mysl', 1970. 414 s.

26. *Parshina O.N.* Rossijskaya politicheskaya rech' [Russian political speech]. M.: Librokom, 2012. 226 s.
27. *Patrikeeva O.A.* Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii na stranichah gazety «Novoe vremya» [State Duma of the Russian Empire on the pages of the newspaper «Novoye Vremya»] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Vyp. 1. T. 4. 2014. S. 160–168.
28. *Patrikeeva O.A.* «Novoe vremya»: vklad v razvitie parlamentskoj zhurnalistiki v Rossii (nachalo XX v.) [«Novoye Vremya»: Contribution to the Development of Parliamentary Journalism in Russia (early XX century)] // Vestnik MGGU im. M.A. Sholohova: Seriya «Istoriya i politologiya». M., 2013. № 2. S. 5–13.
29. *Patrikeeva O.A.* Zarozhdenie parlamentskoj zhurnalistiki v Rossii v nachale XX veka [The origin of parliamentary journalism in Russia at the beginning of the 20th century] // Vestnik SPbGU. SPb.: Izd-vo SPbGU. Seriya «Istoriya», 2012. № 4. S. 31–40.
30. *Pavlov B.A.* Ocherki istorii zhurnalistiki Urala. 1760–1860 gg. [Essays on the history of journalism in the Urals. 1760–1860]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 1992. T. 1. 272 s.
31. Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost' [Political parties of Russia: history and modernity]. M.: ROSSPEN, 2000. 631 s.
32. *Portyankin I.A.* Bol'shevistskaya pechat' v gody pervoj russkoj revolyucii [The Bolshevik press during the first Russian revolution]. M.: Gospolitizdat, 1956. 328 s.
33. *Pugachev V.V.* Ufimskaya knizhnost'. Evolyuciya gazetnogo, zhurnal'nogo, tipografskogo i knizhnogo dela [Ufa bookishness. Evolution of newspaper, magazine, printing and book business]. Ufa: Bash. gos un-t, 2004. 211 s.
34. *Rodionova T.S.* Deyateli pechati i pervaya Gosudarstvennaya Duma [Rossii Press figures and the first State Duma of Russia]. M.: Izd-vo «VK», 2007. 128 s.
35. *Rodionova T.S.* Provincial'nost' i populyarnost': k osobennostyam formirovaniya gorodskoj gazety na rubezhe XIX–XX vekov v Rossii [Provinciality and popularity: to the peculiarities of the formation of a city newspaper at the turn of the XIX–XX centuries in Russia] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2018. № 6. S. 69–79.
36. *Rodionova T.S.* Deyateli pechati i pervaya Gosudarstvennaya Duma [Rossii Press figures and the first State Duma of Russia]. M.: Izd-vo «VK», 2007. 128 s.
37. *Sidorenko N.S.* S mehtoj o velikoj Rossii: Ural'skie konservatory i liberaly v Gosudarstvennoj dume [With a dream of a great Russia: Ural conservatives and liberals in the State Duma]. M.: MGOU, 2005. 208 s.

38. *Sidorenko N.S.* Monarhicheskoe dvizhenie na Urale (1905 — fevral 1917 g.) [Monarchist movement in the Urals (1905— February 1917)]. Chelyabinsk: ChGPU, 2000. 208 s.
39. *Sidorenko N.S.* Dvoryanskaya pravaya i eyo rol' v konsolidacii konservativnyh sil Urala v nachale XX veka [Noble right and its role in the consolidation of the conservative forces of the Urals in the early twentieth century] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Social'no-gumanitarnye nauki. Vyp. 18. № 10 (269). 2012. S. 67–69.
40. *Sidorenko N.S.* Ural'skiye deputaty Gosudarstvennoy dumy (1906–1917) [Ural'skiye deputaty Gosudarstvennoy dumy (1906–1917)] // Otechestvennaya istoriya. 2006. № 5. С. 91–92.
41. *Smirnov A.F.* Gosudarstvennaya Duma Rossijskoj imperii 1906–1917 gg.: Istoriko-pravovoj ocherk [State Duma of the Russian Empire 1906–1917: Historical and legal sketch]. M.: Izd-vo «Kniga i biznes», 1998. 624 s.
42. *Usmanova D.M.* Musul'manskaya frakciya i problemy «svobody sovesti» v Gosudarstvennoj dume Rossii (1906–1917) [Muslim faction and the problems of «freedom of conscience» in the State Duma of Russia (1906–1917)]. Kazan', 1995. 163 s.
43. *Shvecov A.V.* Izdatel'skaya deyatel'nost' russkih nesocialisticheskikh partij nachala HKH veka [Publishing activity of Russian non-socialist parties at the beginning of the 20th century]. SPb.: Izd-vo RNB, 1997. 557 s.
44. *Vareckij B.I.* Shelest stranic kak shelest znamen. Pressa Rossii v trekh politicheskikh rezhimakh [The rustle of pages is like the rustle of banners. Russian press in three political regimes]. M.: Inform forte, 2001. 272 s.
45. *Vertinskij N.S.* Gazeta v Rossii i SSSR XVII–XX vv. [Newspaper in Russia and the USSR of the 17th — 20th centuries]. M.-L.: Gos.Soc.-Ekonom. 1931. 167 s.
46. *Zhirkov G.V.* Zhurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii. 1900–1918 gg. [Journalism in Russia: From the Golden Age to Tragedy. 1900–1918]. Izhevsk: Institut komp'yuternyh issledovanij, 2014. 382 s.

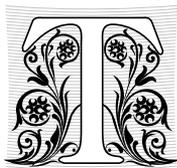

Ключевые слова:

Государственная дума, консерватизм, либерализм, радикализм, периодическая печать, политический дискурс, газетная периодика Урала.

Nadezhda S. Sidorenko, Stanislav V. Musatov

STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE AS DEPICTED IN THE PRESS AND PUBLIC OPINION OF URALS

The article examines Ural province periodicals and reveals specifics of the convocation of the State Duma press coverage. Analyzed is the political discourse of the Ural press — the way Government reforms and implementation of the parliamentary system in Russia were depicted. The authors show specifics of regional discourse. Three main components of that discourse are defined — conservative, liberal and socialistic.

The role and the place for the State Duma — a new political institution in Russia, concept of Parliamentarianism, perception and adoption of these constructions by the society can be depicted on the basis of the discourse analyses.

Periodic press offers materials about the main actors of that discourse and the strategies used to influence final recipients.

Key words: State Duma, conservatism, liberalism, socialism, periodicals, political discourse, Ural newspapers.

Nadezhda S. Sidorenko — D.Sc. (History), professor at the South Ural State Humanitarian Pedagogical University Russian History and Law department, member of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

Stanislav V. Musatov — doctoral student at the South Ural State Humanitarian Pedagogical University Russian History and Law.

 Сидоренко Надежда Семеновна

доктор исторических наук, профессор Кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, член Бюро Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

 Мусатов Станислав Вячеславович

соискатель Кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета